

Анна Белова

«За честь сестры»:

ИСТОРИЯ НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ ПОМОЛВКИ
КАК ЭПИЗОД ЖЕНСКОЙ СЕМЕЙНОЙ ПАМЯТИ
В РОССИИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА¹

Anna Belova

“For the Honor of a Sister”: The Story of a Failed Engagement as an Episode
of Women’s Family Memory in Russia in the Middle of the 19th Century

Анна Белова (Тверской государственный университет, заведующая кафедрой всеобщей истории; Институт этнологии и антропологии РАН, ведущий научный сотрудник; доктор исторических наук) anna.belova@iea.ras.ru.

Anna Belova (Dr. habil.; Head of the Department of World History, Tver State University; Leading Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maclay, RAS) anna.belova@iea.ras.ru.

Ключевые слова: женская семейная память, история повседневной жизни, женская повседневность, женская история, предбрачная обрядность, расторжение помолвки

Key words: women’s family memory, history of everyday life, women’s everyday life, women’s history, pre-marital rituals, dissolution of engagement

УДК: 392.51

DOI: 10.53953/08696365_2024_185_1_53

UDC: 392.51

DOI: 10.53953/08696365_2024_185_1_53

Статья посвящена проблеме женской семейной памяти в России на примере одной из реальных жизненных историй середины XIX века — несостоявшейся помолвки Софьи Бахметьевой с князем Григорием Вяземским, — транслируемой ее матерью на официальном допросе. Анализируя эти показания, можно выявить ключевые событийные моменты, вокруг которых происходила консолидация памяти матери о символически значимых для социальной репрезентации жизненного сценария ее дочери ретроспекциях. В контексте изучения женской семейной памяти автор решает исследовательские вопросы социальных ритуалов, связанных с замужеством; организации межродовых связей, скреплявших дворянское общество; воспроизводства сословного этоса, предписывавшего женщинам и мужчинам определенные нормы и правила поведения и самовыражения. Несмотря на нарушение норм, вменяемых социальным этикетом и ограничивающих установок морали представленная в нарративе матери «жертвой обстоятельств», Софья Бахметьева тем не менее достигла полноценной, насколько возможно для того времени, социальной самореализации, нетипичной для большинства женщин, следовавших общественным предписаниям.

The article is devoted to the problem of women’s family memory in Russia using the example of one of the real life stories of the middle of the 19th century — the failed engagement of Sofia Bakhmetyeva to Prince Grigory Vyazemsky — broadcast by her mother during an official interrogation. By analyzing these testimonies, it is possible to identify key event moments around which the mother’s memory of retrospections that were symbolically significant for the social representation of her daughter’s life scenario was consolidated. In the context of studying women’s family memory, the author addresses research issues of social rituals associated with marriage; organization of inter-tribal ties that held the noble community together; reproduction of the class ethos, which prescribed certain norms and rules of behavior and self-expression for women and men. Despite the violation of the norms imposed by social etiquette and limiting moral guidelines, Sofya Bakhmetyeva, presented in her mother’s narrative as a “victim of circumstances,” nevertheless achieved full, as far as possible for that time, social self-realization, atypical for most women who followed social instructions.

1 Текст подготовлен в рамках проекта РФФ «Женская семейная память в России XVIII—XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия» (№ 24-18-00212).

Исследования семейной памяти (family memory studies) — перспективная область исследований памяти на стыке с нарративными исследованиями — изучают семейные воспоминания как ресурс в самых разных условиях, касающихся индивидуальной и коллективной идентичности, национальных воспоминаний, процессов передачи данных из поколения в поколение, а также миграционных, транснациональных и диаспорических исследований [Švaičiková Slabáková 2021]. Значение семейной памяти как аналитического инструмента и исследовательской концепции связано с выявлением ее роли в передаче социальных и политических ценностей из поколения в поколение. Исследования женской семейной памяти изучают исторический опыт женских нарративов в формировании и трансляции личных и коллективных представлений прошлого, стратегий запоминания и забывания, соотношения моделей повествовательной коммуникации и социальной практики. В российском дворянском сообществе XIX века семейная память воплощалась в женском нарративе. На это указывают не только частные и семейные архивы, но и литературные свидетельства, например документальная повесть «Старина. Семейная память» Н.С. Кохановской, писавшей:

...рассказ мой есть семейная память о старине, о лицах дедушек, бабушек, не исключая и тех местных происшествий, которые были настолько важны, чтоб сохраниться им по памяти до наших времен... я укажу на те источники, на те живые, дорогие мне летописи, откуда я почерпаю мои сведения: это — мать моя и тетушка, старушки за шестьдесят лет и которые имеют то важное преимущество, что одна из них до самого замужества жила и воспитывалась в доме бабки с матерниной стороны; а другая — у другой бабки с отцовской стороны².

Женская семейная память реализует себя в нарративах, воспроизводящих, как правило, наиболее драматические аспекты жизни членов семьи. Наряду с автобиографиями — воспоминаниями, которые фиксировали отрефлексируемые переживания и социальный опыт дворянок, в качестве своеобразного резервуара женской семейной памяти можно рассматривать и деловые документы. Предметом анализа в предлагаемой статье станет запись устного допроса при официальном разбирательстве, вынуждавшем мать публично «оправдывать» своих дочь и сына, замешанных в светском скандале. Есть основания полагать, что именно такие ретроспекции, отобранные как наиболее значимые и повторенные публично, стали основой консолидации женской памяти о травматическом жизненном опыте семьи.

Нормативная (то есть обязательная с точки зрения этических требований, социальных предписаний и ожиданий) роль замужества в жизни российской дворянской девушки XIX века подчеркивается наличием длительной процедуры, предшествовавшей непосредственному заключению брака во время церковного таинства венчания. Сложная и длительная процедура социальных условностей в рамках предбрачной обрядности проявляла действенность сословного этоса, лежавшего в основе системного упорядочения межродовых отношений. Заключение брака не являлось личным делом женщины и мужчины, а реализовывало потребность двух родовых групп, к которым они при-

---

2 Кохановская Н.С. Старина. Семейная память // Отечественные записки. 1861. № 3. С. 209.

надлежали по происхождению, в установлении новых социальных связей. Вместе с тем дворянский сословный этос предписывал женщинам и мужчинам определенные нормы и правила поведения и самовыражения.

В период достижения сговорных договоренностей и совершения предбрачной обрядности родителям и ближайшим родственникам надлежало оградить потенциальную невесту от негативных для ее социальной репутации эксцессов [Белова 2022: 96]. Нарушение этих договоренностей и расторжение помолвки сказывалось на последующей матримониальной востребованности дворянской девушки, подтверждением чему служит история несостоявшегося замужества Софьи Бахметевой, записанная со слов ее матери. Цель статьи — выявить роль социальных ритуалов предбрачной обрядности в консолидации женской семейной памяти.

Основные работы, связанные с изучением проблем социализации дворянок, посвящены выявлению «нового типа русской светской женщины» [Белосусов 1992: 143] — институтки, которую А.Ф. Белоусов характеризовал как образованную и вместе с тем плохо ориентировавшуюся в реалиях повседневной жизни; определению девичества как особого этапа жизненного цикла, специфического для осознания собственной телесности, сексуальности, гендерной идентичности [Белова 2006]; уточнению сложностей гендерной социализации на семейном, образовательном и социальном уровнях [Белова, Мицюк 2016]; исследованию имплицитной конкуренции матери и старшей дочери ввиду раннего замужества и незначительной разницы в возрасте между ними [Белова 2018]; интерпретации ломки «российского патриархального уклада» как «нового возвышения семейственности», когда «к началу XIX века петровская революция словно бы описала полный круг и вернулась в исходную точку» [Энгель 2023: 32, 47, 50] — воспитания добродетельных жен и матерей. Новизна данной статьи обусловлена интересом к той роли, которую этические требования играли в регулировании межродовых и социальных отношений. Экспрессивная категория «честь», представленная в разных вариантах — «девичьей», «дворянской», «семейной», — выступала важным коррелятом подобающего благородной девушке поведения, статуса дворянского рода, репутации семейной группы. Изучение ритуалов предбрачной обрядности, значимости их соблюдения как реализации негласных матримониальных правил межродового взаимодействия является новым аспектом в контексте проблематизации женской семейной памяти.

Необходимо сделать несколько предварительных замечаний, позволяющих прояснить исторический контекст анализируемого эпизода. Девушка Софья Бахметева происходила из древнего дворянского рода, предки которого были известны на Руси со второй половины XV века³. Принадлежность к этому роду, внесенному в VI часть родословных книг Пензенской и Саратовской губерний, а значит, относившемуся к родовитому российскому дворянству, давала ей среди прочего право на поступление в Санкт-Петербургский Екатерининский институт, как иначе называли Училище ордена Святой Екатерины, в котором она и воспитывалась в 30-е годы XIX века. Древность рода была тем критерием, по которому представители родовитого дворянства опознавали друг

---

3 Об этом дворянском роде см.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Биографии: В 12 т. Репринт. изд. / Отв. ред. В.М. Карев, М.Н. Хитров. Т. 1. М.: Большая российская энциклопедия, 1991. С. 760.

друга, отделяли себя от «выслуживших» принадлежность к привилегированному сословию. Дворянским девочкам в сочетании с трудным материальным положением и утратой отца это обеспечивало возможность пребывания в закрытом сословном заведении, что, с одной стороны, прививало им светские манеры, с другой — исключало на многие годы из семейного и социального окружения. Представления выпускниц институтов о социальных практиках носили умозрительный и эфемерный характер.

В то же время частная жизнь бывших институток зачастую становилась достоянием общественности и привлекала к себе публичное внимание, поскольку повышенный интерес к ней сознательно культивировался в светском обществе. Причина — близость к придворному кругу: члены императорской фамилии курировали воспитательные заведения. Поэтому любая скандальная история с участием бывших воспитанниц вовлекала в урегулирование царских и приближенных к ним особ. Мать Софьи Бахметевой, на которой, вопреки первоначальному намерению, отказался жениться князь Григорий Вяземский, перечислила всех участников разбирательства и даже по прошествии времени сохранила экспрессивную вовлеченность в происходящее:

Здесь не имеет сил повторить все те оскорбления, все клеветы, распространяемые здесь Князем Вяземским матерью его, которые в подробностях были ею даведены письмом до самого Государя Императора, а до Великаго Князя Михаила Павловича лично; по повелению коих неоднократно были у нея (матери девицы Софьи Бахметевой. — А. Б.) Граф Алексей Федорович Орлов и Генерал Маиор Ростовцов, по случаю же воспитания дочери ея в Екатерининском Институте, находящемся под ведением Принца Петра Ольденбургскаго, Его Высочество сам лично изволил быть у ней и спрашивать обстоятельства дела этого⁴.

Родовитость предков, институтское образование, согласно традиционному этосу, соответствовали требованиям к брачной партнерше, главным из которых являлось недопущение мезальянса и нарушений замкнутости родовой структуры дворянского сообщества. Однако к середине XIX века эти мотивы не всегда оказывались достаточными.

Как следует из записи устного допроса, в начале 40-х годов XIX века Софья Бахметева проживала в Санкт-Петербурге вместе с матерью, вдовой поручицей Варварой Петровной Бахметевой, со слов которой фиксировалась семейная история, и с родными братьями, Юрием, Николаем и Петром Бахметевыми⁵. В сентябре 1842 года в их доме впервые появился и затем стал часто бывать один из сослуживцев Юрия Бахметева по лейб-гвардии Преображенскому полку князь Григорий Николаевич Вяземский, начавший вскоре ухаживать за Софьей.

Знакомство дворянской девушки с молодым человеком, как зачастую и происходило в то время (хотя во многих случаях это был совсем не молодой человек ввиду принятой разницы в возрасте между супругами), состоялось в доме ее родителей (или одного из них, в данном случае матери), куда тот был официально приглашаем благодаря знакомству с ее братом. В.П. Бахметева утверждала:

---

4 Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 103. Оп. 1. Д. 1509. Л. 5 об.
5 Там же. Л. 1, 3.

...Князь Григорий Николаев Вяземский стал вхож к ней (В.П. Бахметевой. — А.Б.) в дом через знакомство его с сыном ея Юрием Бахметевым по совместной его с ним службе в лейб гвардии Преображенском полку...⁶

Появление сослуживцев брата в доме, вероятно, могло рассматриваться изначально как выигрышная матримониальная стратегия. Ее этапы помесячно отложились в памяти матери девушки «на выданье».

Продолжая оказывать девушке *знаки внимания*⁷, потенциальный претендент на роль мужа давал понять ей и ее близким, что намерен жениться. По словам В.П. Бахметевой, «в январе 1843го Князь Вяземский стал видимо искать руки ея единственной дочери Софьи Бахметевой»⁸. После этого дворянин должен был сделать родителям или другим близким родственникам девушки *официальное предложение* о вступлении в брак. Предложение князя Г.Н. Вяземского 8 мая 1843 года было принято Варварой Петровной и Юрием Бахметевыми с условием, что его родители определенным образом подтвердят свое согласие на намечавшийся брак⁹.

В случае смерти мужа дворянской женщины вопрос о выдаче замуж дочери либо решался ею совместно с другими представителями мужской части семьи¹⁰, например со старшим сыном («...Князь Вяземский... сделал ей (В.П. Бахметевой. — А.Б.)... в присутствии сына ея Юрия формальное предложение, которое они приняли...»¹¹), либо, по крайней мере, согласовывался с ними. Кроме того, для нормативного заключения брака требовалось *обоюдное согласие родителей обеих сторон*. Принимая сделанное им предложение, родители дворянской девушки с учетом ее собственного желания выражали свое отношение к предстоявшему браку. Однако в ответ на данное ими согласие они нуждались в определенных гарантиях противоположной стороны. Если для дворянина достаточно было устного разрешения на брак с ним родителей его избранницы, то те должны были получить письменное подтверждение от родителей жениха¹², чтобы удостовериться в их мнении на этот счет: «Не смотря на все уверения в том (в согласии родителей. — А.Б.) Князя Вяземского, она (В.П. Бахметева. — А.Б.) требовала на то неперменного доказательства»¹³. В большинстве случаев родители девушки стремились заручиться особым так называемым *застрахованным письмом*¹⁴, которое, представляя собой своего рода «протокол о намерении», фиксировало бы состоявшуюся договоренность о будущем матримониальном союзе. Если же родители дворянина не позволяли ему жениться на его

---

6 Там же. Л. 1.

7 Керн А.П. Из воспоминаний о моем детстве // Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Воспоминания о Пушкине / Сост., вступ. ст. и примеч. А.М. Гордина. М.: Советская Россия, 1987. С. 370.

8 ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1509. Л. 1.

9 Там же.

10 Керн А.П. Указ. соч. С. 345.

11 ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1509. Л. 1.

12 «Я передал ваше письмо г-же Гончаровой», — сообщал родителям и сестре А.С. Пушкин 3 мая 1830 года (*Пушкин А.С. Собр. соч.*: В 10 т. Т. 9: Письма 1815–1830 годов / Примеч. И. Семенко. М.: Художественная литература, 1977. С. 311; оригинал по-французски).

13 ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1509. Л. 1.

14 ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 28.

избраннице, то ее родители также пересматривали свое прежнее положительное решение¹⁵.

Через десять дней после того как князь Г.Н. Вяземский сделал предложение С. Бахметевой, он представил В.П. Бахметевой письмо, написанное от имени его родителей, князя Николая Григорьевича (1767—1846) и княгини Софьи Григорьевны Вяземских¹⁶, которые выражали как свое согласие на женитьбу сына, так и расположение к его будущей жене и к ее матери¹⁷. Помимо этого, как позднее будет утверждать В.П. Бахметева, он пожелал заручиться еще и согласием тетки, графини Марии Григорьевны Разумовской, урожденной княжны Вяземской (1772—1865)¹⁸, проживавшей в то время в Париже¹⁹. Свое желание князь Г.Н. Вяземский объяснял особым отношением к тетке, которая его «воспитывала и много любила»²⁰, а также надеждой на получение от нее материальной помощи в настоящем и наследства по духовному завещанию в будущем²¹.

После того как формальности, связанные с предложением о браке и согласием на него родителей жениха и невесты, считались улаженными, о предстоявшем замужестве дворянской девушки могло быть объявлено публично. Правда, В.П. Бахметева, принимая во внимание просьбу князя Вяземского о том, чтобы не делать этого до получения письменного ответа от графини Разумовской, поставила в известность о происходившем только ближайших родственников и знакомых. Как она вспоминала позднее,

она... приняла оное все в уважение и, соглашаясь в обязанности такового внимания к Графине Разумовской, она объявила предложение Князя Вяземскаго, и письмо и согласие на ея родителей его, только некоторым из коротких ея друзей и родственников...²²

С момента *публичного объявления* о выходе дворянской девушки замуж ее будущий супруг обретал статус официального «жениха», и в доме ее родителей к нему начинали относиться как к члену семьи. В.П. Бахметева подтвердила на допросе, что «с того дни Князь Вяземский был принят у нея в доме как семьянин и нареченный жених ея дочери»²³.

Высказывая опасения по поводу того, что графиня Разумовская могла не получить письма от его родителей и поэтому ответ от нее задерживался, князь Г.Н. Вяземский, якобы для пересылки ей, забрал обратно у В.П. Бахметевой письмо своих родителей²⁴. Между тем Юрий и Николай Бахметевы должны были уехать из Санкт-Петербурга: первый — в Гельсингфорс для исполнения

15 *Вяземский П.А.* Московское семейство старого быта // Вяземский П.А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки / Сост. Н.Г. Охотина; вступ. ст. и примеч. А.Л. Зорина и Н.Г. Охотина. М.: Правда, 1988. С. 318.

16 См.: История родов русского дворянства: В 2 кн. / Сост. П.Н. Петров. Кн. 1. М.: Современник: Лексика, 1991. С. 106.

17 ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1509. Л. 1.

18 Дворянские роды Российской империи / Науч. ред. С.В. Думин. Т. 2: Князья. СПб.: ИПК «Вести», 1995. С. 202.

19 ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1509. Л. 1.

20 Там же. Л. 1 об.

21 Там же.

22 Там же.

23 Там же.

24 Там же. Л. 1 об. — 3.

служебных обязанностей, а второй — в Пензенскую и Саратовскую губернии для решения неотложных дел, возникших в имениях матери²⁵. Все это время князь Г.Н. Вяземский регулярно посещал дом В.П. Бахметевой на правах *официального жениха* ее дочери²⁶. Вскоре он представил ей письмо графини Разумовской, которая выражала свое согласие на брак племянника с Софьей Бахметевой²⁷. Это письмо князь Вяземский также оставил у себя, чтобы переправить его родителям в Москву²⁸.

Когда все необходимое было уже подготовлено к свадьбе и Варвара Петровна ждала возвращения в Санкт-Петербург своих сыновей, она неожиданно получила письмо, в котором родители князя просили объяснить, почему их сын считается женихом ее дочери, если они не согласны на этот брак²⁹. Сначала Варвара Петровна предполагала, что они изменили свое решение под влиянием неизвестных ей обстоятельств, и пыталась узнать, каких именно, чтобы уладить возникшее недоразумение³⁰. Однако, как выяснилось впоследствии, родители князя Вяземского никогда не давали согласия на брак сына с Софьей Бахметевой, а письмо, написанное ранее от их имени, было подложным³¹. Более того, они отказывались когда-либо согласиться на этот брак³².

Узнав обо всем, князь Г.Н. Вяземский обвинял родителей в обмане и уверял Софью и ее мать в необходимости своей поездки в Москву, чтобы уладить отношения с ними³³. Дворянской девушке, имевшей официального жениха, разрешалось общаться с ним гораздо чаще³⁴ и более «свободно»³⁵, чем с любым другим мужчиной:

...Князь Вяземской, находясь столь долгое время почти безотлучно в ее доме и пользуясь свободой, по праву своему объявленного жениха, короткость обхождения своего с ее дочерью... употребил...³⁶

Воспользовавшись этим, Г.Н. Вяземский пытался склонить С. Бахметеву к заключению так называемого тайного брака, то есть брака без родительского благословения, решиться на который ей было довольно сложно³⁷.

---

25 Там же. Л. 3.

26 Там же.

27 Там же.

28 Там же. Л. 3.

29 Там же. Л. 3 — 3 об.

30 Там же. Л. 3 об.

31 Там же. Л. 4.

32 Там же.

33 Там же.

34 См.: «На утрие (после сговора. — А.Б.) приезжает жених с подарками всякий день и гостит, только не ночует» (*Болотов А.Т. Памятник претекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и о носившихся в народе слухах // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма / Ред.-сост. М.И. Вострышев; коммент. А.В. Храбровицкого. М.: Современник, 1989. С. 30. Ч. I. 1796 г. января 27-го. Гл. 86. Сговоры как производились дворянские); «...Князь с пятницы всякой день у нас...» (Письмо М.Л. Манзей к В.Л. Манзей от 9 мая 1836 года // ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 92).*

35 См.: «...он пошел к родителям и сделался женихом. Его поселили в нашем доме. Меня заставляли почаще бывать у него в комнате» (*Керн А.П. Указ. соч. С. 371*).

36 ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1509. Л. 4 об.

37 Там же.

В сентябре 1843 года князь, получив отпуск, отправился в Москву³⁸. Он писал Софье один раз из Твери, а в другой раз, сообщая о гневе своих родителей и вместе с тем убеждая ее в благоприятном исходе дела, — из Москвы³⁹. С течением времени Бахметевым стало известно, что Г.Н. Вяземский, письма от которого перестали приходить, был болен и помещен родителями в военный госпиталь⁴⁰. Беспокоясь о состоянии его здоровья, С. Бахметева просила мать разрешить ей в сопровождении тетки В.Н. Дуровой (ставшей впоследствии коллежской советницей Борковой), поскольку одна девушка в то время не могла перемещаться, также поехать в Москву⁴¹. Пробыв там три дня, она несколько раз навещала в госпитале князя Вяземского, который в присутствии тетки снова заверил ее в своем стремлении убедить родителей согласиться на их брак⁴². Не сомневаясь в искренности жениха, немного успокоенная его словами, Софья Бахметева вернулась в Петербург, куда вскоре прибыл и он со своей матерью, княгиней С.Г. Вяземской⁴³.

Однако вместо того чтобы нанести визит Бахметевым, князь послал Варваре Петровне письмо, в котором сообщал о своем отказе жениться на ее дочери⁴⁴. Одновременно и он, и его мать сделали эту историю достоянием гласности, распространяя порочившие Софью Бахметеву слухи в высших кругах петербургского светского общества⁴⁵. Князь Г.Н. Вяземский публично заявлял о том, что в его намерения входила не женитьба, а всего лишь легкая интрига, которая не должна была повлечь за собой серьезных последствий⁴⁶. По его словам, в доме В.П. Бахметевой он «лишь проводил весело свое время»⁴⁷. Княгиня же С.Г. Вяземская постаралась скомпрометировать Софью Бахметеву в глазах императора Николая I и великого князя Михаила Павловича⁴⁸.

В результате разразившегося публичного скандала князь Г.Н. Вяземский вынужден был покинуть лейб-гвардии Преображенский полк⁴⁹. Однако стремясь выставить себя в выгодном свете, он старался еще больше опорочить девушку и членов ее семьи⁵⁰. Возвратившийся в это время из Гельсингфорса в Петербург Юрий Бахметев, по словам В.П. Бахметевой, «нашел мать и сестру свою убитыми горестию, обезславленными поступками Князя Вяземского и гласностию этой истории»⁵¹.

Несколько раз, пытаясь получить объяснения князя Вяземского относительно его поведения, Ю. Бахметев приходил к нему на квартиру, однако княгиня С.Г. Вяземская и другие его родственники не позволяли им видеться⁵². В ответ на письмо Бахметева, продолжавшего настаивать на встрече, Вязем-

38 Там же.

39 Там же. Л. 5.

40 Там же.

41 Там же.

42 Там же.

43 Там же.

44 Там же.

45 Там же.

46 Там же. Л. 5 — 5 об.

47 Там же. Л. 5 об.

48 Там же.

49 Там же.

50 Там же.

51 Там же.

52 Там же.

ский письменно назначил ему время для визита, который также не увенчался успехом по причине того, что еще накануне князь уехал из Петербурга в Москву⁵³. Так и не получив желаемых объяснений, Юрий Бахметев отправился воевать на Кавказ, где отличился храбростью и был представлен к наградам за боевые заслуги⁵⁴. Несмотря на то что на протяжении всего времени несения им воинской службы в письмах к матери он ни разу не упомянул о князе Вяземском, мысль о реабилитации сестры, по-видимому, не давала ему покоя:

Тут узнала она (В.П. Бахметева. — А.Б.), что ни какие трудности ни какие опасности на Кавказе понесенные ее сыном Юрием не сильны были заставить его забыть безславию нанесенное Князем Вяземским сестре его и всему его семейству⁵⁵.

Возвращаясь с Кавказа в 1845 году после завершения военной экспедиции, Юрий Бахметев заехал в свое саратовское имение и попросил находившегося там брата Николая сопровождать его в Москву, где «потребовал, что бы он был при нем в страшный и тяжелый час, когда он пойдет отдавать жизнь свою за честь сестры и матери!»⁵⁶ На состоявшейся в Москве дуэли с князем Г.Н. Вяземским Ю. Бахметев был убит на глазах у брата, который, как и князь, позднее оказался под следствием⁵⁷. В.П. Бахметева была официально допрашиваема о причинах дуэли ее старшего сына с князем Вяземским⁵⁸ и давала показания. В целом сюжет этой истории во многом напоминает известные обстоятельства также приведшего в 1825 году к дуэли конфликта между подпоручиком Семеновского полка Константином Черновым и сделавшим его сестре Екатерине Пахомовне [Афанасьев 1982: 237] предложение, а потом под давлением матери забравшим его обратно флигель-адъютантом графом Владимиром Новосильцевым [Лапин 1991: 235–236].

В копии записи допроса В.П. Бахметевой нет сведений о том, как сложились в дальнейшем судьбы главных участников расторгнутой помолвки. Тем не менее по данным генеалогии можно установить, что князь Григорий Николаевич Вяземский позднее был женат на графине Прасковье Петровне Толстой⁵⁹. В отношении же Софьи Бахметевой выяснить что-либо оказалось сложнее. В тексте архивного документа не упоминалось даже ее отчество. Однако в результате сопоставления некоторых данных стало понятно, что героиня этой истории есть не кто иная, как Софья Андреевна Толстая (1827–1892)⁶⁰, жена поэта и драматурга графа Алексея Константиновича Толстого (1817–1875). В примечании к одному из писем последнего исследователь его творчества И.Г. Ямпольский со ссылкой на публикацию в дореволюционном издании сообщает «о тяжелых переживаниях Софьи Андреевны до ее встречи с Толстым: романе с кн. Вяземским, из-за которого один из ее братьев был убит на дуэли с ним»⁶¹. Замеча-

53 Там же. Л. 5 об. — 6.

54 Там же. Л. 6.

55 Там же. Л. 6 об.

56 Там же.

57 Там же.

58 Там же. Л. 7.

59 *Руммель В.В., Голубцов В.В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. II. СПб.: Изд. Суворина, 1887. С. 473.

60 Даты жизни см.: [Стафеев 1973: вставка с фотографиями между с. 160 и 161].

61 *Ямпольский И.* Примечания // Толстой А.К. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1964. С. 57.

ние другого литературоведа, Г.И. Стафеева, относительно того, что «брат, защищая честь Софьи Андреевны, был убит на дуэли человеком, который ее оставил и которого она любила» [Стафеев 1973: 161—162], не позволяет усомниться в том, что речь идет об истории, изложенной в показаниях В.П. Бахметевой. Г.И. Стафеев приводит также имена еще двух братьев, Петра [Там же: 54] и Николая [Там же: 70] Андреевичей Бахметевых и указывает на расположение имений первого в Пензенской и Самарской губерниях [Там же: 54]. Исследователи отмечают, что в 1851—1852 годах Софья Андреевна жила в принадлежавшем П.А. Бахметеву имении Смальково Саранского уезда Пензенской губернии⁶². Тем не менее за исключением двух процитированных выше беглых упоминаний ни в литературоведческих, ни тем более в исторических исследованиях не встречалось сколько-нибудь подробное описание перипетий помолвки Софьи Бахметевой с князем Григорием Вяземским⁶³. Большинство публикаций, уделяющих внимание данным сюжетам наряду с прочими, носят популярный характер⁶⁴, акцентируют внимание на характеристике Софьи Андреевны через описание ее внешности и штампах «романтической» истории и посвящены прежде всего биографии А.К. Толстого. Проблемы женской истории, женской семейной памяти о социальных ритуалах предбрачной обрядности не являются их предметом.

Определенный интерес представляет культурный облик С.А. Бахметевой, сформировавшийся во многом в первой половине XIX века, но особую роль для характеристики которого могут сыграть некоторые историко-биографические сведения, известные о ней как о жене графа А.К. Толстого и относящиеся уже ко второй половине XIX века. Современники отмечали «ее необыкновенный ум и образованность» (цит. по: [Там же: 88]), она знала 14 иностранных языков [Кондратьев 1912: 29], большую часть из которых выучила сама в течение жизни, уже после окончания института. В этой связи интересно замечание графа А.К. Толстого в письме к другу, беллетристу и журналисту Б.М. Маркевичу от 9 января 1859 года о том, что «Софья Андреевна и Варвара Сергеевна занимаются польским языком, и притом — каждый день»⁶⁵. Софья Андреевна была знакома и общалась с выдающимися деятелями русской культуры XIX века, та-

62 См.: [Кондратьев 1912: 31; Стафеев 1973: 54]; *Ямпольский И.* Указ. соч. С. 57.

63 Более того, в научно-справочном аппарате одного из авторитетных мемуарных изданий допущена фактическая неточность даже в отношении года ее рождения, которым назван 1844 год (см.: Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. / Редкол.: В. Вацура, Н. Гей, Г. Елизаветина и др.; вступ. ст., сост. и коммент. К. Тюнькина; подгот. текста К. Тюнькина и М. Тюнькиной. Т. 2. М.: Художественная литература, 1990. С. 616), что не может соответствовать действительности ввиду того, что в это время она уже считалась невестой на выданье и ей, принимая во внимание данные Г.И. Стафеева, было 17 лет. Авторы некоторых биографий (см., например: Софья Андреевна Миллер-Толстая (1844—1892) // Обоймина Е.Н., Таткова О.В. Знаменитые женщины: Биогр. справочник: Учеб. CD-диск (ИД «Равновесие», оформление, изд., 2005), тиражирующие эту ошибку, не задаются даже вопросом о том, могла ли Софья Андреевна, родившись в 1844 году, познакомиться в 1851 году на балемаскараде с графом А.К. Толстым, будучи к этому времени уже замужем.

64 *Безелянский Ю.* Страсти по Луне. Книга эссе, зарисовок и фантазий. М.: Радуга, 1999; *Новиков В.И.* Алексей Константинович Толстой. М.: Молодая гвардия, 2011; *Шахмагонов Н.А.* К. Толстой в любви и ненависти. Часть первая (<https://proza.ru/2015/08/11/489> (дата обращения: 27.11.2023)).

65 *Толстой А.К.* Собр. соч. Т. 4. С. 104. Письмо А.К. Толстого к Б.М. Маркевичу от 9 января 1859 года.

кими как И.С. Тургенев⁶⁶, Я.П. Полонский⁶⁷, К.К. Павлова⁶⁸, Н.И. Костомаров⁶⁹, А.А. Фет⁷⁰ и другие. Именно ей, когда она была уже вдовой графа Толстого, А.А. Фет посвятил стихотворение «Где среди иного поколенья...»⁷¹. Говоря словами А. Тархова, «С.А. Толстую Фет считал одной из самых блестящих и интересных женщин своего времени»⁷².

Тем не менее, возможно, как никакую другую женщину, ее всю жизнь сопровождали людские пересуды и кривотолки. Ей приписывали «лживость и расчет» [Покровский 1908: 10], упрекали в том, что «она всегда была неискренна, как будто всегда разыгрывала какую-то роль» [Стафеев 1973: 87], «притворялась постоянно и как будто что-то в себе таила» [Там же], считали, что «ее сердце остается холодным и неспособным к любви, но она прекрасно играет свою роль» [Там же: 88]. Литературовед Г.И. Стафеев утверждает, что

Софья Андреевна... была женщиной холодного, расчетливого и скептического ума, которая всю жизнь носила маску, соответствующую обстоятельствам, чтобы полнее использовать их в своих интересах; все силы своей актерской души она употребляла на сокрытие того, что действительно находилось в ее душе, причин и сущности ее продуманной игры [Там же: 88–89].

Что же могло послужить причиной для своего рода скандальной известности ее личности в светском обществе XIX века и для столь неодобрительных суждений о ней некоторыми знавшими ее людьми?

Во-первых, отягченное дуэлью и гибелью брата расторжение помолвки с князем Вяземским, в подробности чего был посвящен весь свет вплоть до императора. Познакомившись в 1851 году с 24-летней Софьей Андреевной «среди шумного бала, случайно»⁷³ и написав под впечатлением первой встречи известное стихотворение, положенное позднее на музыку П.И. Чайковским, граф А.К. Толстой обратил внимание на «тайну», которая ее «покрывала черты». В одном из писем, датированном также 1851 годом, он, имея в виду, как справедливо считает И.Г. Ямпольский, в том числе и вышеупомянутые обстоятельства, обращался к ней со словами: «Бедное дитя, с тех пор, как ты брошена в жизнь, ты знала только бури и грозы»⁷⁴.

Во-вторых, разрыв, а затем и развод, с первым мужем, «конногвардейским полковником Л.Ф. Миллером»⁷⁵, и внебрачная связь с графом А.К. Толстым [Стафеев 1973: 54]. По словам И.Г. Ямпольского, брак Софьи Бахметевой с Миллером был «неудачным»⁷⁶. Еще будучи замужем, в 1855 году, «Софья Андре-

---

66 Там же. С. 146. Письмо А.К. Толстого к И.С. Тургеневу от 30 мая 1862 года.

67 Там же. С. 147. Письмо А.К. Толстого к Я.П. Полонскому от первой половины июля 1862 года.

68 Там же. С. 160. Письмо А.К. Толстого к К.К. Павловой от 13 (25) декабря 1863 года.

69 Там же. С. 176. Письмо А.К. Толстого к Н.И. Костомарову от 7 (19) декабря 1865 года.

70 Там же. С. 292. Письмо А.К. Толстого к А.А. Фету от 12 мая 1869 года.

71 См.: Тархов А. Комментарии // Фет А.А. Стихотворения, поэмы, переводы. М.: Правда, 1985. С. 532.

72 Там же.

73 Толстой А.К. «Среди шумного бала, случайно...» // Толстой А.К. Против течения: Поэзия, драматургия, проза / Сост., предисл. и коммент. О.Е. Майоровой. М.: Слово/Slovo, 2004. С. 34.

74 Толстой А.К. Собр. соч. Т. 4. С. 56. Письмо А.К. Толстого к С.А. Миллер от 1851 года.

75 Ямпольский И. Указ. соч. С. 57.

76 Там же.

евна, презрев все светския условности, приехала в зараженный тифом город» [Покровский 1908: 9] Одессу, где в то время в составе «новообразованного стрелкового полка императорской фамилии»⁷⁷ находился отправившийся «добровольтцем»⁷⁸ на Крымскую войну и тяжело заболевший в результате вспыхнувшей там эпидемии Толстой, «чтобы ходить за дорогим человеком» [Там же]. Тем не менее особенно противилась их отношениям мать поэта, графиня Анна Алексеевна Толстая, урожденная Перовская (1801—1857) [Стафеев 1973: 54], которая «не могла примириться с мыслью, что Алексей Константинович свяжет свою жизнь с замужней женщиной» [Там же: 60], а потому, как утверждает А.А. Кондратьев, при ее жизни «Софья Андреевна не пыталась сделаться женою Толстого» [Кондратьев 1912: 29].

В отношении времени и места заключения их брака имеются различные точки зрения. По мнению В. Покровского, «в 1857 г. Софья Андреевна, получив развод от своего мужа, Л.Ф. Миллера, сделалась женою графа А.К. Толстого» [Покровский 1908: 11]. Однако в письме к Б. Ауэрбаху от 20 марта 1863 года Алексей Константинович именовал ее «госпожой Бахметевой»⁷⁹, из чего И.Г. Ямпольский заключает, что «бракоразводный процесс с Л.Ф. Миллером был к тому времени закончен»⁸⁰. Он утверждает также, что «ее брак с Толстым был официально оформлен 3 (15) апреля 1863 г. в Лейпциге»⁸¹. Г.И. Стафеев же считает, что они поженились в 1863 году в Дрездене [Стафеев 1973: 73].

Как бы то ни было, брак с графом А.К. Толстым должен был сделать Софью Андреевну, урожденную Бахметеву, счастливой после всех перенесенных ею начиная с юности страданий и испытаний. В энциклопедическом издании начала XX века упомянуто, что «письма его к жене, относящиеся к последним годам его жизни, дышат такой же нежностью, как и в первые годы этого очень счастливого брака»⁸². Например, в письме от 10 (22) июля 1870 года граф А.К. Толстой писал Софье Андреевне:

Вот я здесь опять, и мне тяжело на сердце, когда вижу опять эти улицы, эту гостиницу и эту комнату без тебя. Я только что приехал в 3 ¼ часа утра и не могу лечь, не сказав тебе то, что говорю тебе уже 20 лет, — что я не могу жить без тебя, что ты мое единственное сокровище на земле, и я плачу над этим письмом, как плакал 20 лет тому назад. Кровь застывает в сердце при одной мысли, что я могу тебя потерять, — и я себе говорю: как ужасно глупо расставаться! Думая о тебе, я в твоём образе не вижу *ни одной* тени, ни одной, всё — лишь свет и счастье...⁸³

Подобный дискурс редко встречался в мужских письмах, для которых не характерно воспроизведение «внутреннего мира собственной эмоциональности» [Белова 2013: 67]. Тем не менее история с несостоявшимся замужеством и

77 Толстой А.К. Против течения... С. 18. Из письма Толстого А. Губернатуру от 20 февраля (4 марта) 1874 года. Пер. с фр. Н.Я. Рыковой. Также см.: [Стафеев 1973: 60].

78 Толстой А.К. Против течения... С. 18.

79 Толстой А.К. Собр. соч. Т. 4. С. 153. Письмо А.К. Толстого к Б. Ауэрбаху от 20 марта (1 апреля) 1863 года.

80 Ямпольский И. Указ. соч. С. 154.

81 Там же.

82 Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Кн. 65. Т. XXXIII. СПб.: Тип. акц. о-ва «Издательское дело»; Брокгауз-Ефрон, 1901. С. 443.

83 Толстой А.К. Собр. соч. Т. 4. С. 346. Письмо А.К. Толстого к С.А. Толстой от 10 (22) июля 1870 года. Курсив автора.

дуэлью брата с князем Вяземским давала о себе знать на протяжении всей ее жизни в виде тянувшегося за ней шлейфа сплетен. Уже в молодости это сказывалось на ее внутреннем душевном состоянии, приводя к тому, что «даже и в самые лучшие минуты» ее «волновали какая-нибудь неотвязная забота, какое-нибудь предчувствие, какое-нибудь опасение»⁸⁴.

Анализ перипетий помолвки Софьи Бахметевой с князем Григорием Вяземским, воспроизведенных ее матерью Варварой Бахметевой в показаниях на допросе, позволяет реконструировать социально-этические нормы заключения брака, действовавшие в дворянской среде, и большую значимость для урегулирования межродовых отношений предбрачной обрядности, чем самой процедуры венчания. Социальная репутация дворянки, формируемая «общественным мнением», воспринималась как часть символического капитала семейной группы. Этапы соблюдения предсвадебных ритуалов являлись ключевыми событийными моментами, вокруг которых происходила консолидация памяти матери о символически значимых для социальной репрезентации жизненного сценария ее дочери ретроспекциях. Несмотря на нарушение норм, вменяемых социальным этикетом, и ограничивающих установок морали, представленная в нарративе матери «жертвой обстоятельств» Софья Бахметьева тем не менее достигла полноценной, насколько возможно для того времени, социальной самореализации, нетипичной для большинства женщин, следовавших общественным предписаниям.

Также обращает на себя внимание парадоксальное обстоятельство, что и С.А. Бахметева, по первому мужу Миллер, и князь Г.Н. Вяземский впоследствии связали свои судьбы с представителями рода графов Толстых⁸⁵. Кроме того, тетка князя Вяземского, графиня М.Г. Разумовская, урожденная княжна Вяземская, была женой графа Льва Кирилловича Разумовского, который приходился дядей Алексею Алексеевичу Перовскому⁸⁶ (известному под писательским псевдонимом Антоний Погорельский), а тот, в свою очередь, — родным дядей графу Алексею Константиновичу Толстому [Стафеев 1973: 11], мужу Софьи Бахметевой. Все это еще раз подтверждает высказанную мною ранее мысль о замкнутом характере воспроизводства родственных связей в российском дворянском сообществе [Белова 1999: 340—366]. Матримониальные отношения, определяющим фактором установления которых была недопустимость мезальянсов, оформляли замкнутую структуру родовитого дворянства. Однако древность происхождения рода не гарантировала безусловного благополучия в условиях самоорганизации сообщества.

Таким образом, процедура, предшествовавшая непосредственному заключению брака во время церковного таинства венчания, способствовала достижению своего рода социального соглашения между родителями жениха и невесты как представителями определенных дворянских родов. Роль в этой процедуре девушки, для которой замужество означало формальный переход из рода отца в род мужа, представляется весьма условной. Несмотря на то что ее активное участие в достижении брачных договоренностей сводилось к минимуму, соблюдение противоположной стороной обязательств по отношению к ней являлось

---

84 Там же. С. 56. Письмо А.К. Толстого к С.А. Миллер от 1851 года.

85 См.: История родов русского дворянства... Кн. 2. С. 162, 164.

86 См.: Турьян М.А. Примечания // Погорельский А. Избранное. М.: Советская Россия, 1985. С. 422.

своеобразным критерием заключения брака в соответствии с этическими нормами, принятыми в сообществе родовитого дворянства. В случае, если поведение дворянина вело к нарушению предварительного брачного соглашения, оно считалось не соответствовавшим нормам дворянского поведения вообще:

...она (В.П. Бахметева. — А.Б.) сама как мать могла ли желать, что бы сын ея Юрий отыскивал обиды их на Князе Вяземском, она успокоивала его и убеждала к должному презрению по действиям Князя Вяземскаго, не заслуживающего уже ни какого благороднаго с ним сношения⁸⁷.

Российское дворянское сообщество вполне подтверждает действенность этнологической концепции «обмена женщинами» Гейл Рубин. В обменных брачных отношениях, увенчивающихся созданием социальной организации, женщина выступает как «канал родственной связи» [Рубин 2000: 104]. По выражению Г. Рубин, «женщины не имеют возможности осознать выгоду от своего собственного обращения» [Там же: 105]. В подтверждение она цитирует создателя французской школы этнологического структурализма Клода Леви-Стросса, специально изучавшего системы родства на широком этнографическом материале и пришедшего к следующему заключению:

Отношение обмена, создающее брак, устанавливается не между мужчиной и женщиной, а между двумя группами мужчин, при этом женщины фигурируют лишь в качестве одного из предметов обмена, а не в качестве партнеров... Это справедливо даже тогда, когда принимаются во внимание чувства девушки, что, более того, обычно и происходит. Уступая предлагаемому союзу, она идет на обмен и создает его, но не может изменить его природу [Lévi-Strauss 1969: 115] (цит. по: [Рубин 2000: 105]).

Процедура достижения брачных договоренностей и всей совокупности досвадебных мероприятий, не увенчавшаяся заключением брака, истолковывалась вне зависимости от обстоятельств в терминах негативизации дворянской девушки, ее публичной репутации. Завуалированным объектом матримониальной сделки становилась «честь» девушки в гендерном значении. «Бесславию», «бесчестию», «обесславление девушки» в результате того, что она считалась невестой, но так и не вышла замуж, наносило удар по символическому престижу дворянского рода и воспринималось как «бесславию всему семейству», следовательно, как оскорбление представителей мужской его части, вынуждавшее последних «отдавать жизнь за честь сестры и матери» и «кончать дело благородным образом». Межродовые мужские конфликты, предметом которых являлась «честь» девушки, урегулировались архаическим способом — исключительно в соответствии с дворянским этосом, даже если этическое их разрешение противоречило действовавшим законам.

Дворянин, следовавший букве закона в «деле о чести и бесчестии» («подтверждается запрещение вызванному словами писмом или пересылкою выходить надраку или поединок»⁸⁸), утрачивал в глазах равных ему по социальному статусу представителей дворянской общности этические характеристики, ко-

---

87 ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1509. Л. 6.

88 Манифест Екатерины II о правилах поведения дворянства, военных и других сословий от 21 апреля 1787 г. // ГАТО. Ф. 466. Оп. 4. Д. 35. Л. 2.

торые собственно и позволяли причислять его к «благородным». Вызывая на дуэль князя Г.Н. Вяземского, Ю.А. Бахметев предостерегал его:

Если же Вы не выдете, то я принужден буду отказать Вам в малейшем уважении, буду всегда считать Вас и всегда называть подлецом, бес искры чести, бес тени благородства, — и уверяю Вас, что при первой встрече буду публично приветствовать Вас этим именем⁸⁹.

Активное участие мужчин во всех ступенях свадебного обряда и в конфликтах, связанных с его нарушением, относит заключение матримониальных союзов к сфере мужских социальных взаимодействий и мужского престижа. Собственно девушке отводилась роль канала достижения мужских притязаний — статусных, имущественных, сексуальных и других. Понятие «честь», трактуемое для дворянской девушки в гендерном смысле, имело для ее брата и несостоявшегося жениха иную коннотацию: являясь категорией экспрессивного порядка, оно выявляло и удостоверяло этическое соответствие нормам поведения носителя дворянского этоса. Все эти этические нормы, не фиксируемые нормативными документами, сохранялись в женской семейной памяти.

Библиография / References

- [Афанасьев 1982] — *Афанасьев В.В.* Рылеев: Жизнеописание. М.: Молодая гвардия, 1982.
- (*Afanas'ev V.V.* Ryleev: Zhizneopisanie. Moscow, 1982.)
- [Белова 1999] — *Белова А.В.* Женщина дворянского сословия в России конца XVIII — первой половины XIX века: социокультурный тип (по материалам Тверской губернии): Дисс. ... канд. культурологии. М., 1999.
- (*Belova A.V.* Zhenshchina dvoryanskogo sosloviya v Rossii kontsa XVIII — pervoy poloviny XIX veka: sotsiokul'turnyy tip (po materialam Tverskoy gubernii): PhD thesis. Moscow, 1999.)
- [Белова 2006] — *Белова А.В.* Девичество российской дворянки XVIII — середины XIX в.: телесность, сексуальность, гендерная идентичность // Женщина в российском обществе. 2006. № 4 (41). С. 45—63.
- (*Belova A.V.* Devichestvo rossiyskoy dvoryanki XVIII — sere diny XIX v.: telesnost', seksual'nost', gendernaya identichnost' // Zhenshchina v rossiyskom obshchestve. 2006. No. 4 (41). P. 45—63.)
- [Белова 2013] — *Белова А.В.* Дискурсы «женского письма» в русской дворянской повседневности конца XVIII — первой половины XIX в. // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII—XXI вв.): Материалы междунар. науч. конф. 14—16 марта 2013 г. / Под общ. ред. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Веремченко. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. С. 64—69.
- (*Belova A.V.* Diskursy "zhenskogo pis'ma" v russkoy dvoryanskoy povsednevnoy zhizni kontsa XVIII — pervoy poloviny XIX v. // Patriotizm i grazhdanstvennost' v povsednevnoy zhizni rossiyskogo obshchestva (XVIII—XXI vv.): Materialy mezhdunar. nauch. konf. 14—16 marta 2013 g. / Ed. by V.N. Skvorcov and V.A. Veremenko. Saint Petersburg, 2013. P. 64—69.)
- [Белова 2018] — *Белова А.В.* «Я страшно зла на мою мать»: Репродуктивное соперничество в семьях российских дворян XVIII—XIX веков // Новый исторический вестник. 2018. № 1 (55). С. 85—104.
- (*Belova A.V.* "Ya strashno zla na moyu mat'": Reproductivnoye sopernichestvo v sem'yakh

---

89 Письмо Ю.А. Бахметева к князю Г.Н. Вяземскому. Б/д // ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1509. Л. 2. Подчеркнуто автором.

- rossiyskikh dvoryan XVIII—XIX vekov // The New Historical Bulletin. 2018. No. 1 (55). P. 85—104.)
- [Белова 2022] — *Белова А.В.* Свадебная обрядность у российских дворян в XVIII — середине XIX в.: ритуалы и практики // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2022. № 4 (64). С. 93—110.
- (*Belova A.V.* Svadebnaya obryadnost' u rossiyskikh dvoryan v XVIII — serechine XIX v.: ritualy i praktiki // Herald of Tver State University. Series: History. 2022. No. 4 (64). P. 93—110.)
- [Белова, Мицюк 2016] — *Белова А.В., Мицюк Н.А.* Сексуальное просвещение русской дворянки в семье, учебном заведении и обществе (от «великих реформ» до «великих потрясений») // Новый исторический вестник. 2016. № 1 (47). С. 20—35.
- (*Belova A.V., Micyuk N.A.* Seksual'noe prosveshchenie russkoy dvoryanki v sem'e, uchebnom zavedenii i obshchestve (ot "velikikh reform do "velikikh potryaseniya") // Novyy istoricheskiy vestnik. 2016. No. 1 (47). P. 20—35.)
- [Белуосов 1992] — *Белуосов А.Ф.* Институтка // Школьный быт и фольклор: Учеб. материал по русскому фольклору: В 2 ч. / Сост. А.Ф. Белуосов; отв. ред. С.Н. Митюрев. Ч. 2: Девичья культура. Таллинн: Таллиннский педагогический ин-т им. Э. Вильде, 1992. С. 119—159.
- (*Belousov A.F.* Institutka // Shkol'nyy byt i fol'klor: Ucheb. material po russkomu fol'kloru: In 2 pts. / Comp. by A.F. Belousov; ed. by S.N. Mitjuev. Pt. 2: Devich'ya kul'tura. Tallinn, 1992. P. 119—159.)
- [Кондратьев 1912] — *Кондратьев А.А.* Граф А.К. Толстой: Материалы для истории жизни и творчества. СПб.: Огни, 1912.
- (*Kondrat'ev A.A.* Graf A.K. Tolstoy: Materialy dlya istorii zhizni i tvorchestva. Saint Petersburg, 1912.)
- [Лашин 1991] — *Лашин В.В.* Семеновская история: 16—18 октября 1820 года. Л.: Лениздат, 1991.
- (*Lashin V.V.* Semenovskaya istoriya: 16—18 oktyabrya 1820 goda. Leningrad, 1991.)
- [Покровский 1908] — *Покровский В.* Алексей Константинович Толстой: Его жизнь и сочинения: Сборник историко-литературных статей. 2-е изд., доп. М.: Кн. магазин В. Спиридонова и А. Михайлова, 1908.
- (*Pokrovskiy V.* Aleksey Konstantinovich Tolstoy: Ego zhizn' i sochineniya: Sbornik istoriko-literaturnykh statey. 2nd ed., add. Moscow, 1908.)
- [Рубин 2000] — *Рубин Г.* Обмен женщинами: заметки по политэкономии пола // Антология гендерной теории: Сб. пер. / Сост. и коммент. Е.И. Гаповой, А.Р. Усмановой. Мн.: Профили, 2000. С. 99—113.
- (*Rubin G.* The Traffic in Women: Notes on the Political Economy of Sex // Antologiya gendernoy teorii: Sb. per. / Comp. and notes by E.I. Gapova, A.R. Usmanova. Minsk, 2000. P. 99—113. — In Russ.)
- [Стафеев 1973] — *Стафеев Г.И.* Сердце полно вдохновенья: Жизнь и творчество А.К. Толстого. Тула: Приок. кн. изд-во, 1973.
- (*Stafeev G.I.* Serdtse polno vdokhnoven'ya: Zhizn' i tvorchestvo A.K. Tolstogo. Tula, 1973.)
- [Энгель 2023] — *Энгель Б.* Женщины в России. 1700—2000 / Пер. с англ. О. Полей. СПб.: Academic Studies Press / Библио-россика, 2023.
- (*Engel B.* Women in Russia: 1700—2000. Saint Petersburg, 2003. — In Russ.)
- [Lévi-Strauss 1969] — *Lévi-Strauss C.* The Elementary Structures of Kinship. Boston: Beacon Press, 1969.
- [Švaříčková Slabáková 2021] — Family Memory: Practices, Transmissions and Uses in a Global Perspective / Ed. by R. Švaříčková Slabáková. Abingdon: Routledge, 2021.